

УДК 930.253:94](477)“1917/1921”

О. С. КУЗЬМУК*

**ДОКУМЕНТИ ДО ІСТОРІЇ УКРАЇНСЬКОЇ РЕВОЛЮЦІЇ
1917–1921 РОКІВ ІЗ ФОНДУ УПРАВЛІННЯ КИЇВСЬКОГО
ПОШТОВО-ТЕЛЕГРАФНОГО ОКРУГУ ЦДАК УКРАЇНИ**

Публікація вводить до наукового обігу маловідомі та неопубліковані документи про участь поштово-телеграфних чиновників у подіях Української революції 1917–1921 років.

Ключові слова: Українська революція; пошта; телеграф; козаки; повстанці.

Документи до історії Української революції 1917–1921 рр. збереглися в складі фондів різних державних установ та інституцій. Зокрема, у Центральному державному історичному архіві, м. Київ у фонді “Управління Київського поштово-телеграфного округу” (Ф. 696) відклалися документи, які дозволяють поглянути на події тих буремних часів через діяльність поштово-телеграфного відомства.

У 1884 р. у Російській імперії було утворено Головне управління пошт та телеграфів, яке входило до складу Міністерства внутрішніх справ. Законом від 28 травня 1885 р. територія імперії була розділена на 11 поштово-телеграфних округів. Управління Київського поштово-телеграфного округу здійснювало обслуговування поштово-телеграфних закладів Київської, Волинської, а з 1904 р. – Чернігівської губерній, займалося розбудовою мережі поштово-телеграфних установ. З лютого 1917 р. Управління Київського поштово-телеграфного округу підпорядковувалося Міністерству пошти і телеграфів Тимчасового уряду, у роки Української революції 1917–1921 рр. – різним міністерствам Української Народної Республіки, Української Держави, Української Соціалістичної Радянської Республіки, Збройних сил Півдня Росії.

У вказаному вище фонді відклалися документи про відкриття поштових установ у різних населених пунктах, перетворення поштових відділень на поштово-телеграфні, прокладання телеграфних мереж, встановлення поштових скриньок, відкриття ощадних кас при поштово-телеграфних відділеннях, будівництво приміщень пошти на залізничному вокзалі в Києві; циркуляри і накази начальника Київського поштово-телеграфного округу щодо роботи пошт, доставки кореспонденції, порядку міжнародних поштових відправлень тощо; угоди з

* *Кузьмук Олексій Сергійович* – кандидат історичних наук, завідувач сектору відділу довідкового апарату та обліку документів Центрального державного історичного архіву України, м. Київ.

підрядниками на утримання кінних поштових станцій, документи про забезпечення службовців квартирами, пенсіями, зимовим одягом, їдальнями; організацію господарства і забезпечення меблями поштово-телеграфних відділень, відкриття курсів іноземних мов; проведення електричного освітлення в установах; включення приватних залізниць до поштової мережі та залучення їх до перевезення пошти; матеріали ревізій кінно-поштових станцій в м. Києві та інших населених пунктах, розклади руху пошти, звіти про роботу відділень; підготовка списку абонентів Київської телефонної мережі; документи про відрядження поштово-телеграфних службовців на фронті Першої світової війни, організація роботи пошти в районі театру воєнних дій, обслуговування Діючої Армії, евакуація поштово-телеграфних відділень тощо.

Варто зазначити, що у фонді зберігаються справи про службу поштово-телеграфних службовців у “вільному козацтві”, циркуляри (обіжники) Української Народної Республіки, Української Держави, Народного Комісаріату пошти і телеграфів на Україні, Української Соціалістичної Радянської Республіки та Збройних сил Півдня Росії про роботу і матеріальне забезпечення поштових працівників; справи про українізацію пошти і телеграфу; документи про участь поштово-телеграфних службовців у повстанні проти гетьмана П. Скоропадського. Фонд “Управління Київського поштово-телеграфного округу” не використовувався у дослідженнях, присвячених історії пошти і телеграфу в часи революційних подій 1917–1921 рр. Отже, зважаючи на малообізнаність дослідників із документами Управління Київського поштово-телеграфного округу, вважаємо за доцільне ознайомити з кількома цікавими документами часів Української революції 1917–1921 рр., що зберігаються у ньому.

Документи, що публікуються нижче, містяться в особових справах поштово-телеграфних чиновників і показують, які складні часи війни і революції переживали прості люди. Так, у документах йдеться про участь чиновників у боротьбі з більшовиками та антигетьманському повстанні (док. № 1, 7); розповідається про перебіг антигетьманського повстання у м. Вільшана, під час якого повстанцями був застрелений місцевий начальник пошти Нікіфоров (док. № 3, 4); про ставлення поштово-телеграфних чиновників до влади більшовиків та їхнє намагання вижити у ті складні часи свідчать док. № 2, 5, 8; про евакуацію поштово-телеграфних установ на Чернігівщині і більшовицьке повстання у м-ку Семенівка Новозибківського повіту Чернігівської губернії йдеться у док. № 6.

Документи публікуються вперше.

Археографічне опрацювання документів здійснено відповідно до усталених упродовж двох останніх десятиліть в едиційній практиці в Україні традиційних засад передавання текстів ХХ ст.

Тексти російськомовних документів передано з наближенням до орфографії та правопису сучасної російської мови, водночас збережено стиль викладу й інші мовні особливості. Скорочення: наокр. – начальник округа, наонт. – начальник конторы, раз. – разряд, п. т. – почтово-телеграфный, ж. д. – железная дорога, п. – пан та ін. розкриваються без застережень.

Українськомовні документи друкуються у цілковитій відповідності з оригіналом: збережено усі мовні особливості їх написання й тогочасного відтворення.

Тексти розбито на абзаци й речення, розділові знаки, великі й малі літери проставлено з наближенням до правил сучасного правопису.

Діловодні заголовки, місце і час написання документів у текстах випущено й використано в редакційних заголовках, складених упорядником.

№ 1

Рапорт

листоноші Терентія Маслова* до начальника Луцької почтово-телеграфної контори про виплату йому місячного жалування та невдалу спробу вступити до лав “вільного козацтва”

23 квітня 1918 р., м. Луцьк

По циркуляру начальника округа Киева от 3 января за № 8/251, я вместе с другими товарищами уехал в г. Киев в вольные казаки, но ввиду того, что железнодорожная путь от станции Казатина до Киева была повреждена и я отлучившись от товарищей, в виду натиска на мою форму большевиков и не зная, что они возвратятся в Луцк, я направился по Житомирской железной дороге в Киев, где близ станции Святошина был арестован большевизским постом; перед натиском на Святошин наших войск я был освобожден и хотел было пробраться до Луцка, где также не имел успеха, так-как каждый раз меня немцы, идущие навстречу, не пускали за неимением удостоверения от ихнего коменданта. Удостоверение же выданное начальником конторы не принимали в первые дни их прибытия. И поэтому я прибыл позже своих товарищей.

Посему покорнейше прошу ходатайства Вашего пред начальником Киевского почтово-телеграфного округа о выдаче мне жалованья за время моего отсутствия, ибо я остался без всяких средств к жизни. Ибо моя опоздалая явка не объясняется уклонением от службы. И будучи порывистым по прочтении циркуляра не щадя жизни двинулся на зов Родины, но теперь приходится умирать в тиши в городе, не получая содержания. Жизнь в Луцке отличается трудностью и дороговизною, но без денег жить – говорить нечего. Посему умоляю Вашего ходатайства о выдаче мне жалованья за февраль месяц.

* Разом із Т. Масловим до Києва вирушили й інші службовці Луцької поштово-телеграфної контори: чиновники Карпенко, Коваленко, Сологуб, наглядач Дідковський і листоноша Левицький (ЦДІАК України. Ф. 696. Оп. 1. Спр. 724. Арк. 66).

Проситель Терентий Маслов

Резолюція: Настоящий рапорт представляю начальнику Киевского почтово-телеграфного округа на распоряжение. Луцк, апреля 25 дня 1918 г.

Заведывающий конторой [підпис]

Почтово-телеграфный чиновник [підпис]

ЦДІАК України. Ф. 696. Оп. 7. Спр. 2259. Арк. 16–16зв. Оригінал.

№ 2

Прохання

**чиновника 3-го розряду Уманської поштово-телеграфної контори
Василя Бакуна до начальника Київського поштово-телеграфного
округу про переведення його на службу в округ**

18 травня 1918 р., м. Москва

Ваше превосходительство, со дня объявления войны и до сего времени я пробыл на фронте. Три недели тому назад полевая телеграфная контора, где я служил юзистом расформировалась в Москве. На родную Украину проехать сейчас невозможно, пропусков не дают впредь до приезда гетманского консула; при том же русские красногвардейцы на границе Украины и России у граждан украинских отбирают все. То небольшое, что приобретено мною за время войны, если будет отобрано на границе, сделает меня буквально нищим. Я сижу в Москве и жду заключения мира Украины с Россией, который даст мне возможность приехать на родину. Отсюда едут в Киев специальные курьеры, отвозящие туда письма, поручения и обратно ответы на них. Несмотря на то, что бывших полевых почтово-телеграфных чинов, декретом Народных Комиссаров предписано принимать во всех почтово-телеграфных округах России даже сверх штата, на службу здесь я поступать не хочу. Начальнику почтово-телеграфного отдела Северного фронта, при расформировании, мною подано заявление послужной список мой отправить в Киев. Документы быть может в Киеве еще не получены из-за войны между Украиной и Россией.

Все вышеизложенное заставляет меня обратиться с глубокой, почтительнейшей и покорнейшей просьбой к Вашему превосходительству соблаговолить ответить, могу ли я рассчитывать на получение места почтово-телеграфного чиновника на родине без послужного списка, который если еще не прислан в Киевский округ, то после заключения мира начальником почтово-телеграфн. отдела будет возвращен согласно моего заявления.

Вместе с сим докладываю Вашему превосходительству: я сам коренной украинец; родился, воспитывался, вырос и служил в почтово-телеграфном ведомстве на Украине, вплоть до войны, которая оторвала меня от родины и забросила на чужбину.

Резолюцию Вашего превосходительства, покорнейше прошу передать тому же курьеру, который настоящее прошение привезет в Округ.

Покорный слуга Вашего превосходительства

почтово-телеграфный чиновник Василий Ермолаевич Бакун

ЦДІАК України. Ф. 696. Оп. 7. Спр. 161. Арк. 95–95зв. Оригінал.

№ 3

Протокол

допиту службовців Вільшанської поштово-телеграфної контори
з приводу вбивства начальника Никифорова під час
антигетьманського повстання у м. Вільшана

22 червня 1918 р., м. Вільшана

ДОЗНАНИЕ

1918 года, июня 22 дня, начальник Городищенской почтово-телеграфной конторы Карвинов, действующий на основании предписания начальника Киевского почтово-телеграфного округа от 15 сего июня за № 27412 о производстве расследования по поводу убийства начальника Ольшанской почтово-телеграфной конторы Никифорова, прибыв в м. Ольшану допрашивал нижеисследующих лиц, которые показали:

1. Спрошенный помощник начальника Ольшанской почтово-телеграфной конторы Гриненко Спиридон Корнильевич показал:

5 сего июня после окончания занятий в конторе, т. е. после 14 час. я пошел на обед, ушли также и все остальные служащие, за исключением почталиона Черноуса, бывшего дежурным и заменявшего сторожа Арсения Григорьевича Романенко (сын сторожа). О готовившихся беспорядках в местечке ничего не знал. Кроме почталиона Черноуса и заменявшего сторожа, гражданина Романенко, в своей квартире, находящейся тут же при конторе, оставался начальник конторы Никифоров со своей семьей.

Не успев пообедать, началась в местечке стрельба, при чем в местечке было установлено немцами три пулемета, которые отражали наступавших вооруженных селян, стрелявших в свою очередь по немцам, таким образом дом, в котором помещается контора, оказался под ружейным огнем.

Не обращая внимания на ружейный и пулемётный огонь, я все-таки перебежками от дома к дому стремился проникнуть в контору, но встретил еще преграду со стороны вооруженных селян, наставивших против меня ружья и принудивших вернуться обратно. Кто были эти лица мне неизвестно, в общем же Ольшана приняла вооруженный лагерь и каждый от мала до велика был вооружен, кто огнестрельным оружием, а кто просто лопатами, вилами и т. п.

Безпрерывная стрельба продолжалась 5 июня весь день и всю ночь. 6 июня на рассвете я с чиновником Благовистным обходными путями пробрался к конторе со двора черного хода, при чем все двери конторы были заперты на внутренние затворы, а выходная дверь квартиры начальника была заперта на наружный замок. После чего мы возвратились домой, решив выждать окончания стрельбы, взять уполномоченных и совместно открыть помещение конторы. 5-го же июня около 20 ч. разнесся слух, что начальник конторы Никифоров убит в предместье м. Ольшаны Горянка (пункт, откуда наступала цепь немцев). Убедиться в этом в тот же день не представлялось возможным, так как одновременно со слухами об убийстве Никифорова, распространился слух, что Никифоров якобы стрелял из пулемета своей квартиры и убил одного человека, а другого ранил, вследствие чего и мне, а также всем служащим конторы угрожали расстрелом.

7-го июня стрельба и беспорядки продолжались весь день и лишь 8 июня утром, по сдаче немцев, была образована комиссия совместно со служащими конторы, вскрыли наружную входную дверь в квартире начальника конторы и вошли в контору.

9 сего июня, испросив разрешение у атамана, организовавшего восстание, отправился на поле отыскивать труп убитого Никифорова для погребения, при чем при поисках трупа встречал большие затруднения, так как никто из жителей предместья Горянки на мои расспросы, где именно зарыт труп Никифорова, отвечали незнанием и только совершенно случайно возле дома гражданина Григория Нестеренко, который оказался сельским комиссаром м. Ольшаны, который заявил, что по имеющимся у него сведениям, труп убитого начальника конторы Никифорова зарыт в овраге в саженях 200 от его дома, при чем на заданный комиссару вопрос, почему никто из жителей Горянки не указывает и вообще не дают сведений о месте убийства Никифорова, комиссар ответил, что жители не говорят об этом из боязни, после чего я с нанятым мною человеком отправился к месту указанному Нестеренко и нашли взрыхленную землю.

После этого были наняты еще три человека, которые отрыли яму в которой оказался труп Никифорова, причем таковой был зарыт на незначительную глубину. При осмотре трупа оказалось две раны, из коих одна в области затылка, а другая в бедре ноги, при чем входные отверстия от пуль были небольшие, а выходные гораздо больше, так что часть затылка с ухом совершенно отвалились, тоже самое больших размеров была выходная рана и на ноге. Сапог на трупе не оказалось. Труп тут же был обмыт, переодет в чистое белье, положен в доставленный гроб и перевезен на кладбище, где и погребен по христианскому обряду в присутствии жены и семьи покойника и моем. Кто именно убил Никифорова и при каких обстоятельствах мне неизвестно и по этому делу больше ничего показать не имею.

Помощник начальника Ольшанской почтово-телеграфной конторы Спиридон Гриненко

Показание отбирал начальник Городищенской почтово-телеграфной конторы Карвинов

2. Опрошенный почтово-телеграфный чиновник 6-го разряда Ольшанской п. т. конторы Благовисный Диомид Андреевич, 30-ти лет, православный, показал:

5-го сего июня в начале 3-го часа пополудни я вместе с другими чинами конторы ушел на обед. В конторе остались начальник конторы Никифоров, дежурный почталион Черноус и сторож Арсений Романенко.

В часа 3½ началась в местечке перестрелка, а к 4-м часам разразилась в сильную оружейную и пулеметную стрельбу. Пройти в контору не представлялось возможным и я остался в квартире, так как кроме стрельбы, восставшее население насильно заставляло всех встречавшихся на улице прохожих вооружаться или идти рыть окопы. 6-го июня на рассвете я совместно с помощником начальника конторы Гриненко окольными путями пробрался к конторе через черный ход, при чем все двери конторы и помещений были закрыты. По пути население встречало нас враждебно с угрозами, поэтому решили выждать успокоения, чтобы впоследствии образовать комиссию и

открыть контору. Тут же и носились слухи, что начальник конторы Никифоров убит.

Попутно с этим распространился слух, что Никифоров будто бы убил двух человек из числа восставших, вследствие чего и нам всем служащим конторы угрожали расстрелом.

В поисках трупа убитого начальника конторы Никифорова я участия не принимал в силу того, что почталион Орел за это был преследуем и даже был арестован. Больше ничего по этому делу показать не имею.

Показания давал чиновник Ольшанской почтово-телеграфной конторы Д. Благовисный

Показание отбирал начальник Городищенской почтово-телеграфной конторы Карвинов

3. Опрошенный почталион Ольшанской почтово-телеграфной конторы Орел Николай Феодорович, 31 год, православный, показал:

5-го сего июня по окончании занятий в два часа пополудни, я вместе с остальными служащими отправился на обед. В здании конторы оставались начальник конторы Никифоров с семьей, дежурный почталион Черноус и сторож. В часа 4 пополудни началась в местечке стрельба. Около 6 часов пополудни с большим трудом удалось мне проникнуть в контору, в которой находились начальник конторы Никифоров, почталион Черноус и сторож Романенко. Убедившись, что контора в целости я отправился к себе на квартиру. По пути был арестован вольными козаками и отправлен версты за три от черты местечка и пробыл под арестом более суток. При чем мне было предъявлено обвинение в шпионаже, но впоследствии по разборе дела и по просьбе моих знакомых, меня освободили. По освобождении из-под ареста, я узнал на основании носившихся слухов, об убийстве Никифорова, при чем кем именно был убит Никифоров и при каких обстоятельствах, определенно никто не говорил.

Возвратившись из-под ареста, вместе с почталионом Черноусом, явившемся в числе других в качестве ходатая о моем освобождении, встретили жену убитого, которая сказала, что начальник убит и что якобы труп его находится в поле, в полуверсте от окраины хутора, названия которого не знаю. На основании этого заявления я совместно с почталионом Черноусом отправились к указанному месту, при чем в некоторых местах пробирались ползком, дабы не быть замечеными.

Не дойдя шагов 20, увидел на тропинке во ржи бывшего начальника конторы Никифорова, но подойти ближе не смогли, так как стоявшие неподалеку козаки заметив, погнались за нами и мы едва сами уцелели. Никаких пулеметов для стрельбы как в конторе, так и в квартире начальника конторы не устанавливалось. Кем именно и при какой обстановке произошло убийство Никифорова мне не известно.

Больше по этому делу ничего показать не имею.

Почталион Н. Орел

4. Спрошенный почталион Ольшанской почтово-телеграфной конторы Черноус Андриан Феодорович, 18 лет, православный, показал:

5 сего июня после ухода служащих на обед, я как дежурный оставался в конторе. Кроме меня в конторе был заступающий место сторожа сын по-

следнего Арсений Романенко и в квартире своей был начальник конторы с семьей. В часа три пополудни в местечке началась стрельба. В часов 6 вечера в контору с черного хода ворвались человек 10 вооруженных лиц и столько же осталось во дворе с пулеметом. Из вошедших в контору 3 человека, обыскав предварительно меня, отвели в другую комнату, а остальные потребовали от начальника конторы Никифорова выдачи оружия. Сколько было выдано им револьверов и шашек я не видал, а также лишен был возможности проследить, что еще из вещей было взято из конторы.

В числе приходивших за оружием мне лично известны жители м. Ольшана Гавриил Шевченко и Филимон Черноус и Димитрий Нестеренко (по уличному Цап), остальные мне неизвестны. Кроме захвата оружия, явившиеся лица хотели установить в конторе пулемет, но начальник начал умолять их не делать этого, после чего они установили этот пулемет в соседнем доме, смежном с конторой.

Когда началась стрельба из пулемета, то жители этого (смежного) дома начали уходить, тогда начальник конторы Никифоров отправил и свою семью в составе жены с тремя детьми и матерью в более безопасное место, при чем семья Никифорова просила его дать для сопровождения меня. После чего Никифоров обратился ко мне с просьбой отвести семью в безопасное место, что я и выполнил. Это было около 7 часов вечера. Направившись через черный ход, я отвел семью начальника в дом жителя м. Ольшаны Кирилла Смоляра.

В конторе остался начальник и сторож. Отвезши семью начальника, я пытался было возвратиться в контору, но выполнить этого не мог, так как возобновилась сильная стрельба. Кроме того, по пути меня встретили местные жители, сказали, что начальник конторы Никифоров вместе с каким-то парнем побежали вдоль берега пруда, а за ними через некоторое время пошла погоня в числе 4-х человек козаков.

Не имея возможности проникнуть в контору, я решил было отправиться домой окольными путями, но подвергся преследованию козаков, которые открыли за мной погоню и случайно спасся от неминуемой смерти. Переночевав у своего дяди, на другой день утром т. е. 6 июня выйдя на улицу, начал спрашивать у жителей не известно ли кому, где находится начальник конторы Никифоров и мне сказали, что Никифоров арестован и находится в доме жителя м. Ольшаны Якова Самойленко, куда я и отправился, но оказалось, что начальника там не было, а был арестован почталион, как впоследствии оказалось Орел, к которому меня не допустили. Тогда в поисках за начальником Никифоровым я отправился к дому сторожа конторы Романенко. Когда я пришел к Романенко, то никого из мужчин т. е. ни Романенко отца, ни сыновей его Арсения и Сергея Романенко дома не застал, в доме была лишь жена старика Романенко и его дочь, и на заданный мною вопрос где Арсений Романенко и не известно ли им о Никифорове, жена Романенко сказала, что в ночь с 5 на 6-е июня, сын ее Арсений пришел домой перепуганным и совершенно мокрым и не сказавши, что случилось, ушел неизвестно куда. После чего я отправился к себе домой чувствуя сильную усталость.

Не успев отдохнуть, пришла в дом моих родителей мать жены Никифорова и со слезами заявила, что носятся упорные слухи об убийстве ее зятя т. е. Никифорова и просила меня каким-либо путем убедиться в правдоподобности этих слухов, но при всем желании и старании я добиться не мог ничего опре-

деленного. Ввиду ареста почталиона Орла, я обратился к атаману организации с просьбой об освобождении последнего, чего добился с большим затруднением, и когда уже возвращались вместе с Орлом, то по пути услышали о месте нахождения трупа Никифорова, отправились туда с большими предосторожностями и затруднениями, но не дойдя шагов 20 до места нахождения трупа, были замечены козаками, которые открыли за нами погоню и мы едва спаслись бегством. Больше ничего по этому делу показать не могу.

Показания давал почталион Ольшанской почтово-телеграфной конторы Андриан Феодоров Черноус

Показание отбирал начальник Городищенской почтово-телеграфной конторы Карвинов

5. Спрошенная женщина-чиновник 5-го разряда Ольшанской почтово-телеграфной конторы Александра Петровна Никифорова (жена убитого начальника конторы Никифорова) показала:

5-го сего июня после дневных занятий в конторе, все служащие ушли на обед, в конторе же оставался почталион Черноус и Арсений Романенко, заменявший должность сторожа, так как сторожем при конторе состоит отец его Григорий Романенко. Муж мой был в квартире. О готовившихся в местечке беспорядках, ни я, ни покойный муж ничего не знали и даже никаких слухов об этом предварительно не было. Около 3-х или 4-х часов пополудни в местечке началась стрельба, выстрелы начали все явственнее и явственнее доноситься до нашей квартиры. Муж распорядился закрыть все входные двери как в контору, так и в квартиру. Затем, спустя некоторое время в контору с черного хода постучалась в дверь партия вооруженных лиц: дверь им открыл Романенко (заменивший сторожа). Ворвавшись в контору лица эти потребовали выдачи оружия и начали производить везде обыск, угрожая притом расстрелом в случае невыдачи оружия.

После чего покойным мужем отдано было три револьвера, две шашки и кроме того тут же взяли нагрудную сумку и еще какие-то вещи (как заявили) для хранения патронов. Затем хотели еще установить в конторе для стрельбы свой пулемет. На нашу мольбу этого не делать, пулемет этот они поместили в соседнем доме (смежном с конторой) и открыли стрельбу. Несколько пуль попало в нашу квартиру, начался переполох, из спасения детей, муж распорядился чтобы я с матерью и детьми ушла из квартиры в более безопасное место, что я и сделала. Это было около 7 ч. вечера. Выйдя из квартиры через черный ход в сопровождении Черноуса, мы все вместе направились в поисках где бы укрыться от опасности и остановились в доме жителя м. Ольшаны Смоляра, который нам и оказал приют. После этого почталион Черноус, как заявил возвратился в контору. Около часов 10–11 вечера в помещение вошел сын домовладельца, давшего нам приют и обратившись к своей матери начал ее укорять, зачем она нас приняла в дом, когда мы их враги, т. е. враги народа, прибавив тут же, что в местечке носится слух, что начальник конторы Никифоров убит.

Последнее известие произвело на меня потрясающее впечатление и я тут же встретив такое недружелюбие, полная горя и отчаяния, разбудила детей и не давая отчета в своих действиях, оставила этот дом.

На улице нас встретили какие-то неизвестные люди и на нашу просьбу оказать нам где-либо кров, последние отвели нас в избу одного из крестьян, где мы и пробыли до утра.

На следующий день ввиду все продолжающейся стрельбы и невозможности возвратиться домой, а также ввиду враждебно настроенного к нам населения, распустившего ни на чем не основанный слух, что якобы муж мой стрелял в кого-то, мы направились в село Толстую, отстоящую от Ольшаны в верстах 7, но прибыв туда тотчас подверглись аресту, так как и там восстали крестьяне.

После долгих хлопот мне удалось освободиться и в субботу 8 июня утром возвратилась с детьми в Ольшану. Тут же я узнала и об убийстве своего мужа. 8-го же июня была образована комиссия под председательством бывшего сельского комиссара м. Ольшаны Нестеренко (убитого немцами на следующий день) и во время заседания комиссии явился в контору житель м. Ольшаны Шендрик, именовавший себя атаманом, принес с собой ключи от кассового сундука, которые муж мой всегда носил при себе, пачку денег в 3850 руб. и кошелек с 86 руб., принадлежавший также моему мужу и который он также носил всегда при себе. На вопрос мой Шендрику, каким путем у него оказались деньги и ключи от кассы, последний заявил, что деньги эти отнял не сказав у кого и вообще вел себя в высшей степени высокомерно и обратившись к штату служащих конторы сказал: “Работайте, товарищи, так как повинно быть”. На неоднократное обращение мое к Шендрику разрешить отыскать труп убитого мужа, последний все отнекивался, ссылаясь что ему нет времени с этим возиться и только в воскресенье при участии Гриненко, мне удалось исходатайствовать разрешение, труп был найден зарытым в поле, отрыт нанятыми людьми, положен в заготовленный гроб и перевезен на кладбище, где и похоронен по христианскому обряду. Больше ничего по этому поводу не имею.

Женщина-чиновник Александра Никифорова

Показание отбирал начальник Городищенской
почтово-телеграфной конторы Карвинов

1918 года, июня 22 дня, опрошенный гражданин м. Ольшаны Романенко Арсений Григорьевич, 21 года, православный, показал: отец мой Григорий Романенко служит сторожем при Ольшанской почтово-телеграфной конторе, если встречается надобность присутствия его дома, то обязанности его при конторе исполняю я.

5-го июня во время бывших беспорядков в м. Ольшане должность сторожа при конторе исполнял я. Стрельба началась в местечке так около 3 часов дня.

В часов 5 или половине шестого в контору явилось человек 10 вооруженных лиц, из коих мне никто не известен, и потребовали под угрозой от начальника конторы Никифорова выдать оружие. Начальник конторы Никифоров вынул из ящика стола два револьвера, а также взял в углу стоявшие две шашки и отдал явившимся, сказав, что у него остается еще один револьвер. На что явившиеся лица ответили, что пускай один револьвер остается в учреждении. Какие вещи были еще взяты из конторы я не видел. Кроме начальника конторы Никифорова, во время прихода лиц за оружием был я, почталион Черноус и жена начальника конторы Никифорова.

После ухода лиц, явившихся за оружием, жена начальника конторы с матерью и тремя детьми в сопровождении почталиона Черноуса отправились через черный ход к почталиону Черноусу ввиду того, что вольные козаки хотели

установить в квартире начальника конторы пулемет.

Когда началась сильная стрельба и пули стали попадать в помещение конторы, то из боязни быть убитым, я попросил разрешения начальника конторы Никифорова уйти, что он мне и разрешил. Из конторы я вышел в часов 6. Начальник же конторы Никифоров остался один, но через минут 10 Никифоров догнал меня недалеко от пруда в местности называемой Бурты и побежали уже оба вдоль берега к усадьбе гражданина м. Ольшаны Платона Нестеренко, а затем изменили направление и пошли между домами и вышли на улицу. На улице стояло человек 10 вооруженных людей. Никифоров обратился к ним с просьбой каким путем надо пройти к дому Платона Нестеренко и последние ответили, что они дороги не знают, я тоже не знал. После этого мы пошли полем. Выйдя в поле я услышал окрик сзади: “Малый посторонись в сторону” после чего я побежал обратно, а Никифоров побежал прямо и скрылся во ржи.

Что случилось с Никифоровым я не знаю, но когда я бежал обратно, то из толпы вооруженных казаков говорили: “Зачем отпустили этого сукина сына, они все были заодно”. Когда я подходил к своему дому, то услышал от прохожих, что начальника конторы Никифорова убили. Во время нашего бегства в руках Никифорова никаких вещей, ни оружия не было, одет был в тужурку и летнее пальто в накидку.

О том, что в м. Ольшане готовились беспорядки, мне ничего известно не было, больше ничего показать по этому делу не имею.

Показание давал Арсений Романенко

Показание отбирал начальник Городищенской
почтово-телеграфной конторы Карвинов

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из произведенного мною допроса поименованных в настоящем дознании лиц выяснилось, что убитый 5-го июня во время восстания в м. Ольшане начальник Ольшанской почтово-телеграфной конторы Никифоров оставил помещение конторы последним, заперев (как надо полагать) все входы в контору на внутренние затворы, а выходную дверь своей квартиры на наружный замок, так как помощник начальника конторы Гриненко и чиновник Благовисный показали, что когда они 6-го июня на рассвете пробрались к помещению конторы, то таковое оказалось запертым.

Вызванный мною для допроса через начальника местной милиции гражданин м. Ольшаны Феодосий Евграфов Шендрик, объявивший себя атаманом и бывший главным руководителем восстания, не явился за отсутствием неизвестно куда. Этот же Шендрик доставил 8-го июня в контору комиссии ключи от кассового сундука, которые всегда носил при себе убитый начальник конторы Никифоров, кошелек с 86 руб., принадлежавший Никифорову, который он тоже носил при себе, при чем кошелек этот оказался насквозь простреленным и 3850 руб. наличными деньгами. Каким путем все это оказалось у Шендрика, последний комиссии не объяснил.

Кем именно был убит начальник Ольшанской конторы Никифоров, выяснить не представилось возможности, так как главного свидетеля Шендрика не оказалось.

Кроме Шендрика подлежат привлечению к ответственности опознанные почталионом Ольшанской почтово-телеграфной конторы Черноусом (бывшим дежурным по конторе) граждане м. Ольшаны Гавриил Шевченко, Филимон Черноус и Димитрий Нестеренок (по уличному Цап), являвшиеся 5-го июня в контору в числе прочих вооруженных лиц для захвата казенного оружия и установления пулемета.

Затем считаю несоответствующим полной истине показание гражданина м. Ольшаны Арсения Григорьевича Романенко (заменившего в день убийства Никифорова должность сторожа, которым фактически состоит отец его Григорий Романенко) и полагал бы необходимым привлечь его к вторичному допросу следственными властями, так как не допускаю, чтобы Романенко, как местный житель, не знал никого из проходящих в контору за оружием, так равно из стоявших на улице вооруженных лиц, у которых Никифоров спрашивал, как пройти к дому Платона Нестеренко.

Начальник Городищенской почтово-телеграфной конторы Карвинов
С подлинным верно: почтово-телеграфный чиновник Захаров

ЦДІАК України. Ф. 696. Оп. 7. Спр. 2588. Арк. 12–16зв. Засвідчена копія. Машинопис.

№ 4

Протокол

допиту Феодосія Шендрика з приводу вбивства начальника Никифорова під час антигетьманського повстання у м. Вільшана

26 липня 1918 р., м. Вільшана

Я, помішник начальника Державної Варти (Звенигородського повіту), згідно відношення начальника пошти м. Вільшани № 614, запитував громадянина м. Вільшани Тодося Шендрика.

Допитаний громадянин м. Вільшани Звенигородського повіту

Шендрика Тодося Евграфовича, 27 років, несудимий, не женатий, православної віри,

розказав: що 8–9 червня цього року годин 8 ранку в м. Вільшані до нього, Шендрика, підійшов його сусіда Кирило Шендрик і сказав, що в нього є гроші і ключі, взяті у начальника поштової контори м. Вільшани, котрого убито, і запитав, що мені з цими грішми робити. На це він, Тодось Шендрик, сказав, зроби чесно, візьми гроші і здай на пошту, а якщо боїся, то віддай мені, я сам здам. При цьому категорично він, Тодось Шендрик, заявив Кирилові Шендрику, що “як він не дасть грошей через 10 хвилин, то він, Шендрик, расправиться з ним як з грабителем народнього достоянія”. Після цього Кирило Шендрик доставив гроші: гаманець в котрому було 86 крб. і пачку замотану в газетний папір, де було 3850 крб. і ключі від поштової контори. Все це він, Шендрик, зараз же поніс на пошту, де була комісія, котра приймала контору в кількості 6–7 чоловік, в склад якої входили чиновник Гріненко, учитель Іваненко, агроном Плахотний і декілько селян, назвиська котрих він, Шендрик, забув. Гроші і ключі він, Шендрик, передав в руки чиновника Гріненко. Гріненко при ньому, Шендрикові, гаманець з грішми передав жінці убитого начальника пошти Нікіфорова, котра заявила комісії, що з гаманцем власність Нікіфорова.

В мент, коли Кирило Шендрик давав гроші Тодосеві Шендрику, був присутнім мешканець м. Вільшани Василь Пантелемонович Кравець, котрий може все це підтвердити. Більше по цьому ділу він, Шендрик, сказати нічого не має. Феодосій Евграфович Шендрик. Ухвалив все вище сказане записати цей протокол. Помішник начальника Державної Варти Звенигородщини О. Черняхівський. З оригіналом згідно. Секретарь *подпись*.

С подлинным верно: почтово-телеграфный чиновник Захаров.

ЦДІАК України. Ф. 696. Оп. 7. Спр. 2588. Арк. 31. Засвідчена копія. Машинопис.

№ 5

Прохання

**жінки-чиновника Олександри Іванової до начальника Київського
поштово-телеграфного округу про відновлення її на посаді
у поштово-телеграфному відділенні м. Злинка
Новозибківського повіту Чернігівської губернії**

30 вересня 1918 р., м. Злинка

В середині лютого місяця в м. Злинка була влада у руках большевицьки совітів, котори оголосили місце на воєнним становищі з огляду на те, що піджидали наступлення німців. Ці совіті складалис із осіб злочинців, котри кликали споживачів боронитіс од німців и коли люде місця Злинки ждали Германців як своїх визвольників од цих басурманів большевиків, іх відмовилъх ити боронитис од йіх, то цей совіт став зате робити у Злинці людем усяку капост, іх даже разстрілювали людеи, у числі котрих растреляли і мого близькаго знакомаго Тюняева, яки мав аж сим душ маленьких діток. Оця обставина так мене обаламутила, що один раз не утрималас і сказала протів совіту зле. Други раз, щоб помогти жинці разстріляннаго Тюняева и его бідненьким сириткам, я пишла за бором на сирот, так вони за це все на мене дуже размотовилис і оголосили мене як бы неначе я контр-революціонерка. Нехтівші, щоб ці злодії мене звели з свиту, бо то вони и хтили це зробити зо мною. Я швиденько взяла лыш утикла з Злинки, оставивши посаду и старих моіх батька и матир, котри тильки и жили з мого утримання. Тепер я вернула гаразд у Злинку и узнавши, що мене уже увільнили од посади, міні дуже стало жалько, бо я ж осталас тепер без усяких коштів и нема як погодувати своих батька и матир, крим цього я так любила цю посаду, що оддавалас йій всею душою. З огляду на выще складенниго я покорно прохаю Вас не відмовити моему проханню прийняти мене назад на посаду поштово-телеграфного урядовця VI разряду в йідну из установ зарученної Вамь округі.

Документі мои, яки були звернути при предписанні від 15 червня цього року під ч. 27742 при цьому прикладаю.

Бувшій жєнщина урядовец VI разряду Александра Иванова

Резолюція: Объявляется Александре Ивановой, что ея пришение может быть рассмотрено по представлению гербового сбора в сумме 2 руб.

ЦДІАК України. Ф. 696. Оп. 7. Спр. 1373. Арк. 24–24зв. Оригінал.

№ 6

Рапорт

**начальника поштово-телеграфного відділення м. Понурівка
Чернігівської губернії начальника Київського поштово-телеграфного
округу про евакуацію цінностей і наступ більшовиків***9 грудня 1918 р., м. Чернігів*

Согласно телеграммы начальника Стародубской почтово-телеграфной конторы от 23 ноября и требования начальника районной Державной Варты в м. Понуровке*, все ценности и ценное имущество вверенного мне отделения ввиду угрожающего положения со стороны большевистских банд в связи с уходом из Понуровки немецких войск и оставления ее Вартой, было эвакуировано в Воронок**, как более безопасное место – где находились немецкие войска, куда я и чиновник прибыли 25 ноября вместе с Вартой, которая и сопроводила меня от Понуровки до Воронка. Для охраны оставшегося еще казенного имущества в отделении, вывезти все которое не представлялось возможным, мною были оставлены там почталион Гарбуз и сторожка Мисникова. Пробыв в Воронке несколько дней и узнав, что все власти покидают Воронок и что положение также небезопасное, я вместе с начальником Стародубской конторы, находившимся в то время также в Воронке, перевез эвакуированное имущество в Семеновку***, где и остановился на некоторое время, предполагая эвакуироваться далее уже одновременно с Семеновской конторой, в распоряжение которой железнодорожной администрацией предоставлен был для этой цели товарный крытый вагон, в который представлялась полная возможность вместе с казенным имуществом Семеновской конторы погрузить эвакуированное имущество и вверенного мне отделения. 2-го же декабря совершенно неожиданно рабочие местной земской сапожной мастерской в количестве нескольких сот человек, большевистски настроенных, пользуясь безсилим украинских властей, полным индиферендизмом немецкого командования и сочувствием со стороны немецких солдат, последние, говорят, даже роздали им для вооружения винтовки, захватили в свои руки власть, произвели аресты некоторых лиц, а затем, явившись в контору воспретили подготавливавшуюся эвакуацию Семеновской конторы, а также и эвакуацию находившегося там имущества Понуровского и Воронковского отделений, потребовав выдачи им оружия, каковое и было им выдано начальником Семеновской конторы, в числе которого ими также забрано четыре револьвера Понуровского отделения, расписку в отобрании револьверов выдать категорически отказались.

После чего явившиеся рабочие ушли, оставив в конторе двух вооруженных своих часовых, запретивших работу на телеграфе, мне же грозили репрессиями со стороны большевистских властей за эвакуацию отделения. Очутившись

* Містечко Понурівка Стародубського повіту Чернігівської губернії, нині – с. Понурівка Стародубського району Брянської області (РФ).

** Містечко Воронок Стародубського повіту Чернігівської губернії, нині – с. Воронок Стародубського району Брянської області (РФ).

*** Містечко Семенівка Новозибківського повіту Чернігівської губернії, нині – смт. Семенівка Семенівського району Чернігівської області.

в таком неожиданном положении и не имея никакой возможности спасти находившееся имущество отделения, за исключением наличности переводных сумм в сумме 4150 рублей, которые мне с большими трудностями и риском удалось захватить, я, 3 декабря переодевшись бежал из Семеновки, оставив все остальные ценности и ценное имущество в Семеновской конторе и 7 сего декабря прибыл в Чернигов вместе с чиновником [...].

Донося об изложенном Вашему превосходительству докладываю, что еще будучи в Семеновке я узнал, что вверенное мне отделение и моя квартира разграблены и оставшееся казенное имущество частно расхищено, частно приведено в негодность явившейся в Понуровку бандой вскоре после ухода немцев, которая прежде набросилась на дом помещика Миклашевского, разграбила и сожгла его, а затем на отделение и мою квартиру.

Начальник отделения [підпис]

Резолюція: Донести Міністерству, а начальнику установи запропонувати здати гроші начальнику контори Чернігів. 30. XII.

ЦДІАК України. Ф. 696. Оп. 1. Спр. 73. Арк. 250–251зв. Оригінал.

№ 7

Рапорт

**хорунжого 1-го полку Запорізьких Низових Січових козаків
Антон Куликовського* комісарові пошти і телеграфів на Волині
з проханням про відновлення на посаді**

*22 березня 1919 р.**, м. Корець*

Прохаю пана комісара войти в ходацтво по телеграфу перед начальством Київської поштово-телеграфної округі в тім, щоб мене як помілково звільнено-

* Куликовський Антон Іванович народився 12 квітня 1893 р. у м. Корець Новоград-Волинський пов. Волинської губ., у родині селян Івана Івановича Куликовського та Юліани Григор'євої. У червні 1911 р. закінчив Корецьке двокласне приходське фундушеве училище. З вересня 1911 р. почав працювати чиновником 6 розряду в Корецькій поштово-телеграфній конторі, в жовтні 1912 р. був переведений у Володимир-Волинську контору, у вересні 1913 р. – повернувся у Корець. 13 жовтня 1914 р. мобілізований на військову службу. Першу світову війну закінчив підпоручиком, командиром 3-ї роти 243 піхотного полку, був обраний радою полку скарбником. 7–10 жовтня 1917 р. брав участь у Першій конференції Українських організацій Західного фронту, як делегат 243 піхотного запасного полку. На початку 1918 р. брав участь у придрушенні більшовицьких виступів у м. Корець. У квітні 1918 р. повернувся на поштово-телеграфну службу, був відряджений як поштово-телеграфний службовець 4 розряду до м. Овруч. Під час антигетьманського повстання 21 листопада 1918 р. вступив до міської добровільної дружини, а з 2 січня 1919 р. добровільно вступив у війська Директорії. Нетривалий час був комендантом м. Овруч і хорунжим 1-го полку Запорозьких Низових козаків отамана Козир-Зірки. В кінці січня 1919 р. допомагав організувати загони народної міліції м. Корець. У березні 1919 р. клопотався про відновлення його на посаді в Овруцькій поштово-телеграфній конторі і виплати йому жалування (ЦДІАК України. Ф. 696. Оп. 7. Спр. 1794. 76 арк.).

** Датовано за вхідним номером.

го з посади урядовця 4 рангу, знов прийняли на посаду і залічили при Корецькій поштово-телеграфній конторі, де маєця вакантне місце. З першого дня перевероту я, як рідний син України, не ждав ні яких распорядженій з сторони начальства, а сам з щірім серцем пошов захищати інтереси республіканського строя і пріняв посаду коменданта м. Овруча, а пізнійше був відправлен в м. Корець старшиною особлівих дорученій, де і сформировав сотню козаків, на що маю підсвідчення за ч. ч. 239 і 285, а по цьому щіро прохаю ще раз залічити мене на посаду, котру я займав, і задоволнити мене тімі коштами, котріх я не одержав: себ-то за сичен, люти, березен і квітен місяці.

Додаток: зразок підсвідчення за ч. ч. 239 і 285.

Хорунжій Куликовський

ЦДІАК України. Ф. 696. Оп. 7. Спр. 1794. Арк. 70–70зв.

**Посвідчення
хорунжого 1-го полку Запорізьких Низових
Січових козаків Антона Куликовського**

1 січня 1919 р., м. Овруч

I полк Запорізьких Низових січевих козаків
Ч. 239

1 січня 1919 року

Овруч Вол. Губ.

Посвідчення

Пред'явник цього ест дійсно старшина дорученого мені полку Антон Куликовський, відправляєця по службовим справам в місто Корець на Волиньщині, що підписом та прикладом урядової печаткі посвідчуєця.

М. П. Отаман Полку Зірко Козыр, Осаул Миколаенко

З оригіналом згідно:

Голова Корецької Волосной Управи [підпис]

Пісар [підпис]

ЦДІАК України. Ф. 696. Оп. 7. Спр. 1794. Арк. 71. Засвідчена копія. Машинопис.

**Посвідчення
хорунжого 1-го полку Запорізьких Низових
Січових козаків Антона Куликовського**

21 січня 1919 р., м. Корець

Января 21 1919 г.

№ 285

Подсвідчення

Цім подсвідчуєця, що хорунжий 1-го полку Коша Запорожських Низових козаків Антон Куликовський дісно знаходиться в м. Корці на Волиньщині і тимчасово допомагає своєю працею по хвармірованню охоронної сотні в м. Корці й околицей, що підписом та прикладом урядової печаткі подсвідчуєця.

21 Січня 1919 р. м. Корець

Комисар м. Корця і околлиц, і Начальник міліції Кулешов

Секретарь [підпис]

ЦДІАК України. Ф. 696. Оп. 7. Спр. 1794. Арк. 72. Засвідчена копія.

2.

1 ПОЛК
ЗАПОРІЖСЬКИХ
КОЗАКІВ
Ч 239
1919 року
ОБРУЧ Вол Губ.

КОПІЯ

ПОСВІДЧЕННЯ.

Пред'явник цього єст [№] Аїсофі Старица
дорушеного мені полку Антон Кудіковсь-
кій відправляєца по службови справах в
місто Корец на Волинцілі, до підписом
та прикладом урядової печаткі посвідчуєца
(или) Устман Полку Бірко Ковчир, Осуд Школен-
ко

З Оригіналом згідно:

ПЕЧАТКА КОРЕЦЬКОЇ
Волоостной правл. *М. Ковчир*

Після в. Кривинський

М. В. С.
ЧАЛЬНИКЪ
ГОРОДСКОЙ
И Л И Ц И И
М. КОРЦА.

2.

Посвідчення.

С ар 21/1919 г.

№ 277

Корець, Волин. губ.

Циєм подсеігруєца що Корун-
зий 1-й полку Каша Запорожских
Козаків Антон Кудіковс-
кій дієно знаходиться в м. Корці
на Волинцілі і тимчасово допемо-
гал своєю обрацою по івершированню
охоронної есони в м. Корці і Окош-
цей, що підписом та прикладом
урядової печаткі підсеігруєца.
21 Січня 1919 р м. Корець.

Печатка м. Корця
і Окош, і Монастир. Мінци *П. Мещеряков*

Секретарь

№ 8**Прохання****телеграфіста Миколи Волтарніста до начальника Київського поштово-телеграфного округу про відновлення на посаді**

17 вересня 1919 р., м. Київ

Находясь в настоящее время в крайне критическом положении, покорнейше прошу о зачислении меня на службу в Киевскую центральную телеграфную контору. Подробности моего увольнения таковы: при советской власти я до 20 июня с. г. находился в конторе, однажды когда у меня работы не было, т. к. дежурил на маленькой станции, я вышел покурить, дежурный политический комиссар по аппаратной записал меня за это в суточный рапорт, на котором комиссар телеграфа наложил резолюцию “сместить в низшую категорию”, когда же я ему подал рапорт по этому поводу и начал объяснять ему причины этой маленькой отлучки, то он меня назвал саботажником и контрреволюционером и сказал, что этого мало, что он велел сместить меня и если я буду много разговаривать, то он прикажет меня арестовать и отправить в ЧК. Дальше мне оставаться в конторе стало невыносимым ибо я и без смещения голодал на получаемые при тогдашней дороговизне гроши, я решил уйти с конторы, но т. к. мой год был призван в армию, я не мог поступить куда-либо на службу в другое место и я поступил в Штаб флотилии телеграфистом на аппарате Морзе, что могут подтвердить некоторые из наших чинов, командированных туда для работы в телеграфе, и находился там я лишь всего полтора месяца т. е. с 25 июня до конца их ухода. В субботу, т. е. в день ухода большевиков из Киева, я был принужден начальником службы связи Штаба и дулом “Браунинга” снять аппарат и уезжать с ними. Аппарат я снял и как только начальник службы связи отлучился на верхний этаж к телефонистам отдать приказание, я воспользовался этим моментом и удрал из Штаба домой, таким образом остался в Киеве.

В первый же день вступления войск Добрармии, я поступил в Летучий офицерский отряд по охране города и некоторое время находился там на службе, но когда за ненадобностью этот отряд расформировали, то я явился к начальнику Телеграфной конторы и просил его зачислить меня на службу, объяснив также и ему все произошедшее, но он сказал, что это зависит не от него и сказал обратиться к начальнику Округа, почему и обращаюсь к Вам с просьбой о зачислении меня на службу. Доказательством того, что я работал тем же ключем аппарата Морзе как и в конторе, может служить удостоверение начальника службы Штаба и показания свидетелей – чинов прикомандированных с конторы. При сем сообщаю, что на службе в ведомстве почт и телеграфов я находился с апреля месяца 1916 года, все время работая в Киевской центральной телеграфной конторе на аппарате Юза.

Н. Волтарнист

Резолюція начальника: Представляя настоящее прошение бывшего чиновника вверенной мне конторы Николая Волтарниста на распоряжение начальнику Киевского почтово-телеграфного округа доношу, что Волтарнист был исключен из списков служащих с 18 июня 1919 г., согласно письменно-

му его заявлению о поступлении его на 1-е Киевские инженерные советские командные курсы.

г. Киев, 21 сентября 1919 г. № 15828

Вр. и. о. начальника Телеграфной конторы [підпис]

Заведующий канцелярией [підпис]

Резолюція: отклонить 9/Х

ЦДАК України. Ф. 696. Оп. 7. Спр. 530. Арк. 29–30зв. Оригінал.

The publication introduces to the scientific use little-known and unpublished documents about participating of post-telegraph officials in the events of Ukrainian revolution of 1917–1921 years.

Key words: Ukrainian revolution; post; telegraph; cossacks; insurgents.